

Гу Сы праздновал новоселье. Ли Гуйхуа с самого утра твердила каждому встречному, что угощение будет «текучим», блюдо за блюдо, без конца и края. Деревенские диву давались: с чего бы это мачеха вдруг стала такой щедрой? На неё это было совсем не похоже.

— А что тут гадать? — шептались иные. — У людей в кошельке восемнадцать лянов серебра. Построили дом, так почему бы и пир не закатить?

В этих словах сквозила явная зависть. Другие тут же подхватывали:

— Семье Гу с роднёй повезло. Слыхали? В этом году у Ли на заливных полях урожай — во! — человек за спинами кумушек развёл руками, показывая немислимые объёмы. — Сколько там му? Врут, поди...

Разговор то и дело сворачивал на урожаи, но неизбежно возвращался к пиру. Все сходились на одном: Четвёртый Гу и Ли Гуйхуа либо несказанно разбогатели, либо в одночасье переменили свой нрав.

Ближе к полудню, перед самым началом пиршества, появилась Старая госпожа Гу в сопровождении семьи старшего сына. Старушка выглядела на редкость бодрой. Волосы её, приглаженные ароматным маслом, волосок к волоску, сияли на солнце под новой налобной повязкой. Пурпурная ткань с алым узором приковывала взгляды, а знающие люди тут же разглядели в центре вышитый иероглиф «Долголетие».

Новая ватная кофта была сшита из той же ткани. На груди, прямо посередине, красовался округлый, ладный иероглиф «Счастье» — такой узнает каждый, ведь подобные знаки вешают на двери под Новый год. Ворот и обшлага украшали искусные узоры.

Деревенские старушки, заранее занявшие места у столов, так и ахнули.

— Ох, сестрица, ну и нарядилась! Истинно благодатный вид!

— Ещё бы, само «Счастье» на плечах носит!

— Ткань-то какая, а работа... Чьих рук дело? Невестка твоя старшая постаралась?

Госпожа Чжу не успела и рта открыть, как сама рассмеялась:

— Куда мне до такого мастерства!

Старая госпожа Гу, так и сияя, охотно пояснила:

— Это Чжоучжоу всё сам. На днях у меня день рождения был. Я-то думала — простая деревенская баба, к чему мне пиры да празднества? Но старший мой сын настоял: круглая дата, надо справить по совести. А Гу Сы как раз дом достроил. Вот Ли Да и отдал половину серебра за этот пир, чтобы и меня уважить, и новоселье справить.

Вот оно что.

Люди обменивались понимающими взглядами. Теперь-то стало ясно, откуда у Ли Гуйхуа такая щедрость — оказывается, старшая ветвь семьи оплатила половину расходов. Старушка выложила всё как на духу, и госпожа Чжу была ей за это благодарна: негоже, чтобы семья старшего тратилась, а все почести доставались Четвёртому Гу.

Кто-то из кумушек потянулся потрогать ткань кофты, не переставая охать:

— Ой, и впрямь хороша! Дорогая, поди? Я в том году внуку на рубаху брала, так эта в сто крат лучше. И цвет такой дивный, раньше и не видела...

— Чжоучжоу сказывал, из самого округа привезли, — нахваливала его Старая госпожа Гу. — Сколько вэней отдали — не знаю, дети потратились, но всё от чистого сердца. Почтительный он, Чжоучжоу-то.

Нашлась, впрочем, одна языкастая баба, что припомнила, как в день свадьбы бабушка развернулась и ушла, не желая видеть «зятя». Старушка только шутливо прикрикнула на неё:

— Ах ты, сорока! Тогда я только чужие сплетни слушала, а ты посмотри теперь на Чжао-эр. Гляди внимательно: много ли времени прошло, а он и вырос, и в плечах раздался. Сразу видно — в добрую семью попал. Чжоучжоу о нём так печётся, что Чжао-эр у нас ни в чём нужды не знает...

— И то правда, бабушка, — с улыбкой вставил Гу Чжао. — Чжоучжоу меня так любит да балует, что и желать больше нечего.

Вокруг дружно захохотали. Ли Чжоучжоу от смущения покраснел до самых кончиков ушей, но на сердце у него было тепло и радостно.

Праздник катился своим чередом. Гости, пришедшие на пир, наперебой сыпали пожеланиями. Старую госпожу Гу превозносили, хвалили её наряд и тонкую вышивку — и это была чистая правда. Несмотря на то, что Гу Чжао ушёл в «чужую» семью, молодые не забыли старушку и выказали ей высшую степень почтения. Так за мужем и Ли Чжоучжоу окончательно закрепилась слава почтительных детей.

Ли Гуйхуа, стоявшая неподалеку, через силу выдавливала улыбку. В душе она скрежетала зубами: «С чего это вдруг вся добрая слава досталась Гу Чжао и Чжоучжоу? Ведь это её семья сегодня празднует!»

В тот день Старая госпожа Гу была главной героиней. Деревенские женщины, способные два дня обсуждать покупку новой ленты для волос, не могли отвести глаз от её обновки. В их взглядах читалась неприкрытая зависть.

Иные даже ворчали: мол, негоже переводить такое дорогое полотно на старуху, зря только добро пропадает. Позже кое-кто даже наведалься в городок, но, узнав цену, покупать такую ткань не решился. Брали что подешевле, а дома всё равно вздыхали, вспоминая наряд бабушки. Долго ещё в деревне судили да рядили: сколько же Ли отвалили за один только отрез, не считая ваты и работы? Зачем им это — преподносить столь дорогой дар?

В итоге новоселье Четвёртого Гу отошло на второй план. Все разговоры — и за столом, и много дней спустя — вертелись вокруг юбилея старушки, щедрого дара Чжоучжоу и того, что Ли Да оплатил половину пира. А иначе разве стала бы жадная Ли Гуйхуа так тратиться?

Снег всё не выпадал.

В доме Ли заранее достали и установили печи-жаровни. Те, кто купил их в прошлом году, тоже начали ими пользоваться. Остальные же, у кого выдалась свободная минутка, спешили в деревню Шили к Гончару Чжу.

Семья тётушки Ван тоже не осталась в стороне. В этом году урожай с заливных полей был добрым, в кошельке прибавилось, да и воспоминания о том, как прошлую зиму внук заходился плачем от холода, были ещё свежи. Стоило первым холодам прижать, как старший сын тётушки Ван заговорил о печи.

Хозяйка поначалу переменялась в лице, но в конце концов неохотно отсчитала тридцать вэней. Купили — и ладно.

Заказов в этом году было много. Гончар Чжу сказывал, что со всех окрестных деревень люди едут, очередь растянулась на неделю вперёд. Старый мастер за этот год на жаровнях да больших кружках заработал немало. Теперь он частенько сидел на заднем дворе перед обжиговой печью, потягивал горячий чай из своей огромной кружки и лениво наблюдал за работой сына. Мастерство того всё ещё уступало отцовскому, так что пригляд был нужен. Но заказов стало столько, что в одиночку старик уже не справлялся.

— До снегов выкроите время с женой, съездите в городок, — наставлял он сына. — Не забудьте подарок для семьи Ли. Голову сахара возьмите, Ли Да, помнится, выпить не дурак — значит, кувшин вина доброго прихватите, да сушёных плодов. На этом не экономь.

— Знаю, батюшка, — отзывался сын. Он и сам понимал: весь нынешний достаток — заслуга Гу

Чжао. Что такое пара подарков по сравнению с этим?

Хоть большие кружки и стоили дешево, делать их было легко и быстро. В городке да в деревнях работяги их мигом раскупали. Глину брали тут же, на склонах, хворост собирали в лесу — тратили только силы, а прибыли выходило больше всего. О жаровнях и говорить нечего.

— Смотри, не поскупись, — добавил старик. — Чует моё сердце, Гу Чжао великое будущее уготовано.

Сын только хмыкнул про себя: «Опять батюшка загнул. Чжоучжоу парень умный, и кружки эти он ловко придумал, но великое будущее? Неужто он с самим Учёным Чжу из нашей деревни сравниться сможет?»

Через несколько дней за печами потянулись люди, и среди них — старший сын тётушки Ван. Младший Чжу сразу его узнал: в прошлом году этот человек пришёл, когда печи уже запечатали на зиму, и всё просил войти в положение — мол, ребёнок в доме мёрзнет.

«Ишь, чего захотел, — думал тогда мастер. — Если о дите печёшься, чего заранее не пришёл? Печи остыли, а если заново разжигать — до самого Нового года не управимся. Как тогда праздник справлять?» Таких нерадивых он не жаловал: коль сердце за ребёнка болит, так и делами это доказывай.

Сын тётушки Ван, получив наконец жаровню, облегчённо вздохнул и даже разговорился с младшим Чжу. Стал хвалиться богатым урожаем, помянул и новый способ удобрения. Сын гончара насторожился: что за способ?

Но сосед, спохватившись, замялся, подхватил печь и был таков.

Вечером сын пересказал всё отцу. Старик Чжу прищурился:

— Тот человек из деревни Сипин был?

— Ну да. В том году ещё сказывал, что с Ли бок о бок живут, я и запомнил.

Гончар оживился и заставил сына повторить каждое слово. Выслушав, он решительно произнёс:

— В этот раз поедем поздравлять Ли с Новым годом пораньше. И я с вами поеду.

— А? Батюшка, да зачем вам это? Холодина-то какая на улице.

— С Ли Да поговорю, — отрезал старик. — Много ты понимаешь в делах... Работай давай!

И он наградил недогадливого сына увесистым подзатыльником.

В конце декабря наконец повалил снег. В этом году он задержался, и крестьяне уже начали всерьёз тревожиться. Стоило белым хлопьям укрыть землю, как все вздохнули с облегчением: «Ну, слава богам, выпал наконец. Теперь и зима — не зима».

Ли Чжоучжоу в те дни из рук не выпускал иглу. Сшив кофту для Старой госпожи Гу, он принялся за обнову для отца. Ткани цвета индиго как раз хватило на куртку, хоть на халат для мужа и не осталось.

— У меня одежды вдоволь, — успокаивал его Гу Чжао, видя, что тот уже собирается в городок за новым отрезом. — Те халаты, что в приданое дали, я почти и не носил. Нечего в такой холод по дорогам мотаться, ветер на улице — чисто нож, лицо в кровь изрежет. Сшей лучше себе новую кофту из того синего шелка.

— Ткань больно хороша, — засомневался Чжоучжоу. — Жалко в такой по хозяйству-то возиться.

— Ерунда, — муж прильнул к нему, как липучка, и принялся ластиться. — У меня ведь тоже есть синий халат, помнишь? Сшьёшь себе синюю куртку, и будем мы на Новый год в Цинлюйчжуане — парной одежде. Пусть все видят — идёт молодая семья, душа в душу живут.

Сянгун опять заговорил на языке, который Чжоучжоу и понимал, и не понимал одновременно. Но представив их в одинаковых нарядах, Ли Чжоучжоу вдруг почувствовал, как к лицу прилила жара — даже у огня так не пекло.

— Хорошо, — едва слышно выдохнул он.

Из остатков ткани индиго Чжоучжоу сшил себе плотную рабочую куртку — шухэ с косым воротом, а клочки пустил на ленту для волос. И отцу сработал новый наряд.

Зимой работы в поле не было, и Чжоучжоу, не в силах сидеть без дела, распорол совсем уж ветхое тряпье, подправил, подшил и сотворил тяжёлый полог на дверь. Простегал его в несколько слоёв и повесил в проёме горницы, чтобы не пускать стужу. Днём один край полога подкалывали, оставляя лишь щёлку для свежего воздуха. В доме сразу стало куда теплее.

В котле теперь часто томился костный бульон с сушёными финиками и сочной белой редькой. Наваристый, молочно-белый, он так и просил — то ли лапши, то ли капусты с тофу. Хлебнёшь такого — и жар по телу разливается, пот прошибает, а на душе — покой.

Двадцать шестого числа двенадцатого месяца Ли Да, перекинув через плечо суму, отправился

по деревням бить свиней.

В этом году потрохов принесли целую корзину. Чжоучжоу решил приготовить их так же, как тушил петуха — боялся испортить добро. Раньше-то просто мыли да жарили с соевой пастой, чтобы отбить сильный запах. Но в этот раз он подошёл к делу иначе.

Раскалённое масло, тростниковый сахар, пряности и доброе вино... Потроха томились в котле добрых полчаса, после чего Чжоучжоу выгреб угли и оставил всё доходить на краю печи. Гу Чжао сказывал — надо, чтоб соком пропиталось. Лишь когда стемнело и отец вернулся домой, Ли Чжоучжоу выловил ещё тёплые куски, нарезал крупно и выложил в миску.

На ужин была густая каша из разных злаков, соломка из редьки, гора дымящихся пампушек и эта миска пряных потрохов.

— Батюшка, Сянгун, попробуйте, каково на вкус? Похоже на те, что в городе ладят?

Чжоучжоу и сам чувствовал — не то что петух, совсем другой дух идёт, но вкусный, густой. Там были и желудки, и сердечки, и печень, и лёгкие, и жирные свиные кишки... На вид — тёмно-красные, блестящие от соуса, пропитанные ароматом пряностей.

Ли Да первым подцепил кусок. Он всю жизнь свиней бил, и эти потроха ему, честно сказать, уже в печёнках сидели. Но крестьянину не пристало едой брезговать, вот и ел, хоть вкус всегда один — резкий да тяжёлый.

Но сегодня всё было иначе. Ли Да прожевал кусок и глаза округлил. Он не знал слова «маринад», но вкус его поразил.

— Куда лучше, чем с пастой жарить! — он заработал палочками, чередуя потроха с пышной пампушкой.

Гу Чжао тоже остался доволен. Здесь и продукты были другие — куры да свиньи на отрубях да траве выращены, мясо плотное, а вино — истинно хлебное, без примесей.

— Очень вкусно. Пусть ночь постоят в рассоле, завтра ещё лучше будут. Соус этот не выливай, он теперь — самая суть.

Чжоучжоу послушался мужа. Наутро, выловив кусочек на пробу, он понял — вкус стал ещё гуще, пронзительнее. Остатки соуса он сохранил для следующей партии.

Потроха копились до двадцать восьмого числа, когда Чжоучжоу заложил в котёл целую гору и томил всю ночь. А на следующий день, двадцать девятого двенадцатого месяца, Гончар Чжу пожаловал с поздравлениями. Приехал не один — с сыном, невесткой и внуком. Подарков привезли уйму.

Сахар, вино, сушёные плоды и даже отрез ткани — вещь дорогая.

Уселись в горнице, в тепле. Чжоучжоу выставил для детей семечки, арахис и тягучую патоку, на тарелках разложил сушёные фрукты. Само собой, семью гончара оставили на обед — люди с такими дарами приехали, нельзя не приветить.

К полудню Чжоучжоу вместе с невесткой гончара накрыли стол. Пряные потроха пришлось как нельзя кстати. Вообще-то потроха считались едой простой, для гостей не слишком достойной, но эти пахли так дивно, что Чжоучжоу первым делом дал помощнице попробовать.

— Как думаете, можно на стол подавать?

— Ох! Если б ты не сказал, я б и не признала, что это требуха. Как ладно сработано!

Невестка гончара была женщиной сметливой. Вкус её поразил, но она только нахваливала Чжоучжоу, ни разу не спросив, как он этого добился. У них в семье все мастера, муж да свёкор своим трудом на хлеб зарабатывают, и если Ли придумали что-то новое в готовке — негоже в душу лезть с расспросами. Вдруг они на этом дело захотят открыть?

Когда миску с потрохами поставили на стол, там уже ждал рассыпчатый белый рис, тушёный петух, рыба и золотистые мясные шарики. Из овощей была капуста с тофу в густом мясном соусе да острая редька.

Из-за того, что в доме постоянно топили печи и кан, Гу Чжао в последнее время мучился от «жара в крови» — сам себе удивлялся. В прошлую зиму он без мужа под боком и заснуть не мог, руки-ноги ледяными были. А теперь — и года не прошло — одежда та же, кан топится так же, а внутри всё горит.

Ли Да смеялся: мол, дело доброе, тело в силу вошло, у молодых парней в деревне всегда кровь кипит.

Оно, может, и доброе, да только Гу Чжао маялся. Во рту вскочила язвочка, есть стало больно, аппетит пропал. Чжоучжоу, жалея Сянгуна, перестал варить костные бульоны и каждый день потчевал его холодной редькой, чтобы сбить пламя.

Гости поначалу стеснялись налегать на мясо — некрасиво, мол. Тянулись то к капусте, то к редьке. Но внук гончара, дитя малое, от редьки нос воротил и требовал «мяска».

— Не стесняйтесь, — улыбнулся Гу Чжао. — Редьку это Чжоучжоу для меня ладит, жар в крови прижал, вот и охлаждаюсь.

Сын гончара, пригубив вина, хохотнул и отпустил сальную шуточку:

— Да чего там редька! Дело-то простое — ночью этот жар спустить надо, вот и всё.

Жена тут же наградила его чувствительным пинком под столом:

— Совсем язык распустил!

Не дав ему продолжить, старый Чжу принялся нахваливать потроха. Ли Да с радостью подхватил тему, и разговор перетёк на кулинарные таланты Чжоучжоу. Про шутку сына предпочли поскорее забыть.

Ли Чжоучжоу вежливо кивал, но уши его пылали огнём.

После обеда Чжоучжоу и невестка гончара прибирали на кухне, дети грелись у печи, уплетая сладости. В горнице Ли Да и старый Чжу неспешно беседовали о делах, а сыновья поддакивали. И конечно, разговор свернул на урожай. На удобрения.

В конце концов Ли Да поведал гончару, как они ладят удобрения для сухих полей.

Зимний день короток. Едва успели наговориться, как гостям пора было в путь. Чжоучжоу вручил гостье целый горшок пряных потрохов, та поначалу отнекивалась, но потом со смехом приняла подарок.

Едва они вышли за ворота, старик Чжу отвесил сыну увесистый подзатыльник.

— Совсем у тебя вместо головы кочан капусты! Рот мясом забит, так нет — надо его разевать.

— Да я на радостях... Но ведь правду сказал! У Гу Чжао кровь играет, он же не один живёт, ночью-то, с мужем под боком...

— Заткнись! — старик снова замахнулся.

Вообще-то деревенские мужики любили за столом отпустить крепкое словцо, но Гу Чжао из семьи Ли был человеком учёным и к Чжоучжоу относился с великим почтением, так что при нём такие речи были неуместны.

Сын гончара обиженно сопел, не понимая, в чём провинился. Ведь когда с мужиками в деревне пьют, и не такое говорят.

— Ты на полуслове замолк, а я видела — у Чжоучжоу лицо вмиг переменилось, — упрекнула мужа невестка. — Кому понравится, когда о его супруге говорят как о инструменте для спуска пара?

Она бросила на мужа презрительный взгляд.

Старый Чжу в женские дела лезть не стал, только пригрозил напоследок:

— В доме Ли впредь за языком следи. Раз голова не варит, пусть жена за тобой присматривает. А теперь — марш домой. Найдёте место, выкопаете яму, будем навоз да мочу копить. И солому не жгите, всё в дело пойдёт.

— Батюшка, так снег же, земля камнем встала! Как копать-то?

— Мне плевать, как! Меньше болтай, больше сил на дело трать — глядишь, и дурь из головы выйдет.

В доме Ли ужин был скромным. После богатого обеда есть не хотелось, так что сварили простой суп с капустой, тофу и парой тефтелей — без всяких бульонов, чтобы смыть жир с желудка.

Ли Да прихлёбывал пустой суп и думал: «Кто б мог представить, что придёт время, когда придётся жир с живота стонять? Истинно, жизнь-то на лад пошла».

Умывшись, рано забрались на кан.

В комнате было жарко. Чжоучжоу задул масляную лампу и в темноте принялся развязывать тесёмки нижней рубахи. Гу Чжао накрыл его руку своей.

— Я никогда не думал о тебе как о способе «спустить жар», — тихо произнёс он. — Чжоучжоу, я чту тебя и люблю. Мы — единое целое, ты для меня — самый важный человек в этом мире.

Муж коснулся губами лба Чжоучжоу, подбирая слова:

— Когда я только пришёл в ваш дом, я был ещё слишком юн. Частые занятия любовью в таком возрасте мешают росту, тело слабеет. Я берёг и себя, и тебя, чтобы позже не было худо.

Он замолчал на миг, боясь, что Ли Чжоучжоу всё это время думал, будто он его отвергает.

— Я знал, что впереди у нас целая жизнь, и не хотел спешить. Ты ведь не винишь меня за то, что тогда мы делали это редко?

Ли Чжоучжоу покачал головой, а потом, вспомнив, что в темноте тот его не видит, прошептал:

— Когда ты сейчас это сказал, мне стало стыдно... Я ведь и впрямь думал дурное. Боялся, что я

недостаточно хорош или не такой нежный, как другие, вот ты и... Но каждый раз, когда мы были вместе, ты так обнимал меня и так долго не отпускал, что я знал — ты не лжёшь. Ты не брезговал мной, ты и впрямь берёг моё здоровье.

Голос Ли Чжоучжоу стал совсем тихим:

— Сянгун... с прошлого раза уже дня четыре прошло. Я не думаю, что ты используешь меня...

Гу Чжао не дал ему договорить, накрыв его губы своими.

— Теперь моё тело окрепло, Чжоучжоу. Хочешь проверить?

В ту ночь они не спали долго. Наутро Ли Чжоучжоу так и не смог заставить себя подняться вовремя. К счастью, наступил канун Нового года — тридцатое число. Все праздничные яства были заготовлены заранее, так что спешить было некуда. Он позволил себе редкую слабость — понежиться в постели, пока солнце не взошло высоко.

— Отец ушёл к соседям прогуляться, — сообщил ему Гу Чжао, заглядывая в комнату. — Сказал, в доме слишком жарко, надо проветриться.

Чжоучжоу облегчённо выдохнул. Если бы отец застал его в постели в такой час, он бы со стыда сгорел — сразу ясно, чем они ночью занимались.

— Чжоучжоу, надевай обновку, — муж принёс синюю куртку и сам уже облачился в свой синий халат. — У нас теперь парная одежда. Пообедаем, а после — прогуляемся по деревне.

В Новый год можно было позволить себе полдня отдыха.

Ли Чжоучжоу быстро переоделся. Несмотря на то, что поясница ещё немного поднывала, он бодро принялся за готовку.

После обеда они, взявшись за руки, вышли прогуляться. Хоть на улице было морозно и лежал снег, в деревне царил оживление. То тут, то там открывались двери, люди выходили из натопленных домов, и каждый, кто встречал молодых супругов, не скупился на похвалу. Хвалили новые наряды, говорили, как ладно они смотрятся вместе.

Ли Чжоучжоу, пересиливая робость, вежливо благодарил соседей.

Вечером, под грохот петард, встретили Новый год. Наступил новый срок — в мире и здравии.

А после пошли визиты к родне. В деревне Дунпин навестили семью Гу. В этот раз зашли к

старшему дяде, проведать Старую госпожу Гу. Подарки принесли такие же, как и для Ли Гуйхуа, чтобы обид не было.

Госпожа Чжу была сама не своя от радости, суежилась, угощала чаем. Когда она ушла на кухню, а Ли Чжоучжоу принялся разливать кипяток, старушка подозвала внука для серьезного разговора.

— Ты теперь из рода Ли, — тихо начала она. — Я живу у твоего дяди, он и невестка ко мне добры, не обижают, сыта и одета. Впредь не носи таких дорогих подарков. Ли Гуйхуа увидит — осерчает, да и не в том дело. Коль привыкнут они к роскоши, а потом у тебя дела хуже пойдут — невестка в душе обиду затаит, станет с былым сравнивать. Я знаю, сердце у тебя доброе, но помни: в чьем доме ешь, тому и служи. Ты теперь из рода Ли, и если станешь всё добро в дом Гу тащить — Ли Да это не по нраву будет. Ему ты должен быть предан прежде всех.

Старушка вздохнула:

— Я ведь тогда не хотела, чтобы ты в зятя — чжуйсюем шёл. Но ты сам выбрал этот путь. Знаю, учиться хотел, книги читать... А это дело затратное. Раз семья Ли тебя кормит да учит — помни это добро и в сердце храни.

Гу Чжао серьёзно кивнул:

— Я всё помню, бабушка.

Старая госпожа Гу кивнула и продолжила:

— Если когда добьешься успеха, а люди станут над тобой смеяться — мол, зять пришлый, не настоящий мужчина... Знай, это был твой выбор. Не смей тогда на семью Ли или на Чжоучжоу злобу срывать. Ребёнок он, может, и не самый краше на вид, но душа у него чистая, он за тебя горой стоит. Скажу прямо: если в науках толку не выйдет, коль не дадутся тебе экзамены — бросай это дело. Семья Ли не из богачей, чтобы пустоцвет кормить. Живи просто, работай на земле — от труда ещё никто не умирал, на хлеб всегда заработаешь.

— Бабушка, я обещаю, — твердо ответил Гу Чжао. — Если увижу, что нет надежды и экзамен не по силам — оставлю книги и за ум возьмусь.

— Вот и ладно, — старушка ласково погладила его по руке. — Вырос ты, Чжао-эр, за свои поступки в ответе теперь. А если Ли Гуйхуа станет тебе колючки в глаза тыкать или сыновним долгом попрекать — скажи мне, я её быстро на место поставлю.

Дом Четвертого Гу был полон гостей. Ли Гуйхуа, увидев бабушку в новой кофте и узнав, сколько стоит такая ткань, едва не задохнулась от жадности. Тот подарок, что молодые принесли ей, теперь казался ей жалкой подачкой — на одну бабушкину кофту три её корзины

купить можно было!

Ей тоже хотелось такую красоту, особенно эту вышивку.

И вот, зацепившись языком с госпожой Чжу, она стала намекать: мол, Чжао-эр хоть и в зятях, а всё одно — из семьи Гу. Она, хоть и мачеха, а ночей не спала, рубашки ему стирала да обеды варила... Неужто не заслужила, чтобы мужнин «зять» ей кофту справил?

Ли Гуйхуа хотела было надавить на сыновний долг, да забыла, что над ней есть власть повыше — законная свекровь. И эта свекровь прижала её разом.

Когда Ли Чжоучжоу и Гу Чжао пришли прощаться, Ли Гуйхуа только рот открыла про кофту, как Старая госпожа Гу её оборвала. Напомнила, что на её юбилей невестка и вэня не дала, и спросила — неужто та забыла, кто Четвертого Гу растил? Неужто материнский долг для неё — пустой звук?

Слова были горькими, Четвертый Гу и рта раскрыть не посмел, только прикрикнул на жену, что та матери подарок справить забыла. В итоге Ли Чжоучжоу ушёл со спокойной душой — больше про кофту никто не заикался.

После пятого числа поехали к Учёному Чжу. Привезли голову сахара, три цзиня мяса и отрез ткани. Вина брать не стали. Чжоучжоу помнил, что у них в доме дитя малое — скоро два года исполнится. Таким людям полезные вещи нужнее.

Дом Учёного Чжу ничуть не изменился — всё та же теснота и полумрак. Ли Чжоучжоу заметил, что руки у жены и матери Чжу все в цыпках и трещинах от холода. Он хотел было помочь с готовкой, но женщины не пустили — негоже гостю у печи стоять.

Сянгун с Учёным Чжу завели разговор о науках, Ли Чжоучжоу в этом ничего не смыслил, мешать не хотел, а на кухне дел не нашлось. В итоге он устроился в сторонке с сынишкой хозяев. Ребенок был худеньким, с желтоватым лицом. Он промолчал, не решился спросить, не хворает ли дитя — в Новый год о таком спрашивать дурная примета. Но невольно сравнил его с Юаньюанем из семьи Син-гэ'эра — тот в два года был белым и круглым, как пышка.

От Учёного Чжу заехали к Гончару Чжу, отдали подарки, но обедать не остались — поспешили домой. В оставшиеся дни гостей не ждали, сидели в тепле, готовили вкусное. Ли Чжоучжоу казалось, что он даже немного раздобрел.

— Где ж тут жир? По мне, так ты только краше стал, — Гу Чжао говорил искренне.

Когда они поженились, оба были кожа да кости. Теперь же оба округлились, но у супруга всё ушло в нужные места. Тут уж не до мыслей о полноте стало.

Праздники подходили к концу, Юаньсяо уже миновал, и всё шло гладко. Но вечером тринадцатого числа, когда уже стемнело и повалил густой снег, в ворота семьи Ли постучали. Голос снаружи срывался:

— Дабо! Брат Чжоучжоу!

Ли Да как раз закончил парить ноги и вышел вылить воду. Услышав крик, он распахнул калитку. Внутри ввалился человек — с головы до ног в снегу, настоящий снеговик, и всё шептал: «Дабо...»

— Гуанцзун? — Ли Да узнал голос. Он подхватил племянника под руку и потащил в горницу. — Чжоучжоу, бери лампу, беги за Ли Эрром!

Гу Чжао перехватил фонарь:

— Батюшка, я сам схожу. На улице скользко, пусть Чжоучжоу лучше здесь поможет — воду согреет или ещё что.

И он быстро вышел за ворота. Вся деревня знала, что Гуанцзун в городе счетоводству учится. Никто не ожидал увидеть его сейчас в таком виде — измождённого, занесённого снегом. На лице его виднелись красные полосы — то ли от мороза, то ли от чьих-то ногтей. Ли Да жил у самого въезда в деревню, а Ли Эр — чуть дальше. Видно, Гуанцзун из последних сил шёл из города пешком, и когда стало невмоготу, постучался в первый знакомый дом.

В семье Ли Эра уже отошли ко сну. Гу Чжао долго стучал, прежде чем Лю Хуасян открыла дверь. Она была не в духе:

— Ночь на дворе, люди спят, чего ради...

— Гуанцзун из города прибежал, — отрезал Гу Чжао. — Он у нас, едва дышит.

Лю Хуасян, только что лениво зевавшая, вмиг подобралась:

— Быть не может!

Но зачем зятю Ли Да лгать? Она крикнула мужа, и Ли Эр, едва успев набросить одежду, бросился вслед за ней.

Ворвавшись в горницу, Лю Хуасян не видела никого вокруг. На табурете сидел её сын — бледный, как тень, на лице — кровавые борозды от когтей.

— Кто это тебя так?! — вскрикнула она.

Увидев родителей, Гуанцзун не выдержал и зарыдал в голос:

— Матушка, не пойду я больше в город! Тётка Фэн меня била, а бабушка и слова не сказала, только смотрела! Есть мне не давали, голодом морили... Я больше не могу!

<http://bllate.org/book/15349/1422811>